

УДК 396.5(470.6)

**ЖЕНЩИНА И ВОЙНА:
ПРОБЛЕМА ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ
И МЕНТАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**
(ИСТОРИОГРАФИЯ, ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ)

М. Х. Гугова, М. А. Текуева

Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

В статье предлагается постановка задачи изучения военной истории, включающей женщину в активное поле исследования, и анализируются проблемы трансформации повседневной жизни и традиционных ментальных представлений кавказской женщины в экстремальных условиях Великой Отечественной войны.

The article states the problem of studying military history, including a woman in the active field of research, and analyzes the problems of daily life and transformation of traditional mentality of Caucasian women in the extreme conditions of World War II.

Ключевые слова: женское военное пространство; женский военный опыт; женская военная повседневность; стратегии выживания; трансформация этнической ментальности; материнство.

Keywords: female military space; female military experience; female military everyday; survival strategies; the transformation of ethnic mentality; motherhood.

Тема «женщина и война» является одной из самых малоисследованных в современной исторической литературе: сражения, битвы и ратные подвиги испокон веку считались делом мужским, а женщинам предназначалось иное: беречь домашний очаг, поднимать детей, и ждать мужчин, уходивших на войну. О войне мы знаем очень много – и очень многого не знаем. Женская военная повседневность оставалась вне исследовательского дискурса историков. Данной статьей мы предлагаем постановку задачи изучения военной истории, включающую женщин в активное поле исследования.

Расхожей стала фраза: «у войны не женское лицо». Она является, с одной стороны, главным тезисом несовместимости понятий «женщина» и «война», ментальной и профессиональной монополии мужчин на ведение войны, но, с другой стороны, этот трогательный в отношении женской страдательной позиции лозунг невольно умаляет их роль в событиях последней войны. Между тем, в период Великой Отечественной войны в армии служило 800 тысяч женщин [1], а просилось на фронт еще больше. Не все они оказались на передовой; были и вспомогательные службы, где требовалось заменить ушедших на фронт мужчин. Сознание спокойно воспринимает женщину в роли медсестры, телефонистки, радистки и в прочих военных профессиях, т.е. в ролях, которые не связаны с необходимостью убивать. Но женщина-летчик, снайпер, стрелок, автоматчик, зенитчица, танкист и кавалерист, матрос и десантница – это уже нечто иное. Жестокая необходимость толкнула ее на этот шаг, желание самой защищать отечество от беспощадного врага, обрушившегося на ее землю, ее дом, ее детей.

Феномен участия женщин в войне сложен уже в силу особенностей женской психологии, которая определяла восприятие фронтовой действительности. Если мужчине война захватывала как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны – физические и моральные, она труднее переносила мужской быт войны. То, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, чудовишно противоречило ее женскому естеству.

Другая сторона феномена – неоднозначное отношение военного мужского большинства, да и общественного мнения в целом, к присутствию женщины в боевой обстановке, в армии вообще. Психологи отмечают, что женщина обладает

более тонкой организацией, чем мужчина. Самой природой в женщине заложена функция материнства, продолжения человеческого рода. Женщина дает жизнь. Тем противоестественнее кажется словосочетание женщина-солдат.

В официальной историографии Великой Отечественной войны основное внимание было сосредоточено на политических причинах, на сражениях и событиях, военной стратегии и тактике, проблемах оккупированных территорий. В то же время практически неразработанной осталась тема влияния этой войны на женщин, их место и роль в военных событиях, значение женского вклада в разработку практик выживания в экстремальных условиях. Актуальность исследования женской военной повседневности состоит в создании новой истории Великой Отечественной войны – истории, увиденной глазами женщин как ее субъектов. Этот исследовательский прием позволит существенно дополнить официальные источники, изучить прежде скрытые для науки свидетельства «обыденного человека», не всегда солдата войны, но всегда – ее очевидца, участника, жертвы, изменившего в чрезвычайной ситуации привычные нормы жизни и выработавшего опыт выживания и продления жизни. В науке и обыденном сознании сложилось мнение, что женщина, в основном отстраненная от активных боевых действий, остается в стороне от военных событий. Наше исследование должно заполнить образовавшуюся лакуну, создав широкое полотно женской военной повседневности – того фона, на котором совершается героика войны, и отследив отдаленные последствия для социума в целом после завершения военных действий как таковых.

Женщинам уделено определенное внимание в советской официальной историографии войны, заключавшийся в описании их участия в военных действиях, овладении ими мужскими профессиями, рассказах о неординарных женщинах и о героических женских судьбах. При этом их собственный голос вряд ли когда-либо был услышан, а женская военная повседневность оставалась вне исследовательского дискурса историков. Решения о том, кого и что именно нужно помнить, долгое время принимались как партией, так и самими историками. Более того, ни в советское время, ни в перестроечный период, вплоть до сегодняшнего дня, беспрецедентный героизм советских женщин не был предметом внимания (за исключением нескольких исследований) и не был адекватно представлен ни на страницах учебников, ни в залах музеев Великой Отечественной войны.

Изучение «женского фактора» периода Великой Отечественной войны получило отражение в основных исследованиях В.С. Мурманцевой [2], Ю.Н. Ивановой [3], мемуарах участниц войны. Часть материалов об участии женщин в военных действиях 1941–1945 гг. можно почерпнуть в официальной историографии Второй мировой войны: воспоминаниях военачальников (В.И. Чуйков, К.К. Рокоссовский и др.), рядовых бойцов, рассказах, очерках, именах женщин-героев, отраженных в энциклопедическом труде «Герои Советского Союза», и целом ряде публикаций, которые можно квалифицировать в качестве источников [4].

Однако подробного исследования военной гендерной истории и культуры: микроисторического анализа повседневности, рассмотрения изменений в поведении и телесных репрезентациях, статусах и ментальных установках мужчин и женщин, связанных с глобальными социальными переменами в период Великой Отечественной войны, в российской историографии нет. Предлагаемый в этой статье подход может положить начало новым масштабным исследованиям гендерной антропологии в период войны, значения женского вклада в военные победы и поражения, что особо актуально в отношении истории кавказских народов, находящихся в настоящий момент в нестабильной политической ситуации.

Конкретная задача, на решение которой направлен наш научный интерес, заключается в постановке новой проблемы, пока мало популярной у историков – женской военной повседневности: на фронте, в тылу, на оккупированных территориях, в частности, на территории Кабардино-Балкарии. Обращение к методологическим установкам истории повседневности, устной истории, реконструкции микромиров позволяет сконцентрировать исследовательский интерес на небольшой территории нашей республики, в истории которой отразились все проблемы большой страны. Кроме того, наш выбор обусловлен задачей выявления механизмов гендерного сбоя стереотипных половых ролей, тем более явных и заметных на фоне трансформации (сначала в процессе «раскрепощения горянки»,

потом в условиях военной экстремальности) самобытной традиционной культуры коренного населения – кабардинцев и балкарцев. Кавказская патриархальная идеология – это мифология воинов, где место женщины ясно и жестко определено – это дом, оружие ее – ножницы и игла, дело всей жизни – рождение и воспитание новых поколений воинов. Во время войны традиция еще более обостряла разницу этих двух миров. По образному выражению Жананы Папич, война – это мир мужчин, где мужчины и женщины разведены по разным зонам – это поля сражений и убежища [5]. Когда судьба нации в опасности, женщине традиционно отводилось пространство между материнством и символом «родины-матери». Еще за два-три десятка лет до Второй мировой войны участие женщин в военных действиях наравне с мужчинами было немыслимо, в Великобритании такая возможность исключалась абсолютно, в России была исключительным прецедентом.

Таким образом, вопросы, стоящие перед аналогичными исследованиями других областей страны, становятся более выпуклыми, а ответы на них – более иллюстративными: менялись ли в традиционном сознании представления о «достойном» и «недостойном», правильном и героическом, и как влияла война на стереотипы женского поведения, манеру одеваться, взаимоотношения с окружающим миром, воспитание детей? Следующие важные вопросы исследования – определить, как женщины адаптировались к жизни в условиях вражеской оккупации? Каким был партизанский и фронтовой быт? Каковы женские стратегии выживания, виды работ и средств существования?

Решение поставленных задач позволит положить начало исследованию, позволяющему обеспечить: комплексный анализ теоретико-методологических, историографических и конкретно-исторических аспектов проблемы «женщины и война» в пределах одной республики – Кабардино-Балкарии, население которой в 30–40-х гг. XX в. переживало сложный период социально-экономической и политической модернизации. В контексте нашего исследования особое значение имеет анализ трансформационных процессов традиционных культурных ценностей в результате социалистической эмансипации. Сосредоточение внимания на истории нашей республики, кроме прочего, также обусловлено тем, что историческая память ее коренного населения была отягощена грузом национальных обид в связи с его колонизацией в середине XIX в. и депортацией балкарцев в 1944 г. В контексте нашего исследования должна быть рассмотрена проблема «гендер и нация», так как война и оккупация могли стать провокаторами реваншистских настроений некогда покоренных народов и явились поводом для переселения целого народа.

Таким образом, впервые в новейшей историографии Северного Кавказа ставится задача проведения исследования женского военного пространства, женского военного опыта и женской военной повседневности, женских стратегий выживания в период войны и, в том числе, на оккупированных территориях (1942–1943 гг.). Совершенно новой исследовательской задачей является концентрация внимания на рассмотрении вопроса женской повседневности в годы Великой Отечественной войне на Северном Кавказе, а точнее, в Кабардино-Балкарии, территория которой была оккупирована немцами, а часть населения подвергнута депортации.

Выбор этого региона также обусловлен и тем, что: 1) на Северном Кавказе сохранились традиционные черты доиндустриальной культуры, включая особенности женского статуса, стереотипы телесных репрезентаций гендерно-маркированного поведения и занятий; 2) накануне Великой Отечественной войны в борьбе за женское равноправие происходит смена привычного порядка вещей в связи с вовлечением женщины в общественное производство; 3) историческая память коренного населения Северного Кавказа была отягощена грузом национальных обид в связи с его колонизацией в середине XIX в. В контексте нашего исследования будет поднят вопрос «гендер и нация», так как военные действия на территории некогда покоренных народов расценивались идеологами захватчиков как возможный катализатор их реваншистских настроений; 4) война послужила мощным импульсом для развития политики социальной эмансипации, ускоренной экстремальными условиями военного времени.

Для решения поставленных задач могут быть применены несколько методологических подходов.

Микроисторический подход, заключающийся в переносе акцента в историческом исследовании с анализа глобальных общественных структур и политических процессов на проблемы изучения «малых жизненных миров». Этот метод позволит

на мультидисциплинарном уровне приблизиться к пониманию значения анализа индивидуального, случайного, частного в контексте определенного сочетания культурно-этнографических и исторических (социально-политических, экономических) факторов.

Этнометодология, способствующая «изучению здравого смысла», что коррелируется с введенными в научный оборот теоретиком истории повседневности А. Шюцем методологическими принципами изучения «обыденного здравого смысла» (как несущего в себе черты коллективно разделяемого опыта), «социально-принятых типизированных условий», а также постановкой проблемы об их генезисе и отражении в повседневном поведении и сознании людей [6]. Исследование обыденного сознания (здроваго смысла) посредством наблюдения за его функционированием в текущем социальном взаимодействии в естественных условиях. Поскольку этнометодология – это форма полевого исследования, основанная на феноменологической философии и подходе социального конструирования, в исследовании темы «Женщина и война» нам представляется необходимым анализ микроситуаций – транскриптов эмоциональных переживаний, интерпретации социальных явлений через индивидуальные практики и опыты.

Гендерная методология, предполагающая экспертизу социально-исторических явлений с учетом фактора пола, и изучение опосредованной отношениями полов социальной действительности, ее изменений в пространстве и во времени. С помощью этого подхода, в разработке которого приняты участие известные российские историки И.С. Кон [7], Н.Л. Пушкарева [8], Л.П. Релина [9] и др., в историческом исследовании можно проследить, как трансформировались во время войны гендерные стереотипы, какие средства (ресурсы) способствовали сознательному и бессознательному определению женщинами своего места в условиях фронта, тыла и оккупации. Весьма результативным оказалось вычленение в предмете исследования предложенных Дж. Скотт взаимодействующих элементов гендера: а) культурно доступных символов; б) нормативных концепций; в) социальных институтов и организаций; г) субъективной идентичности. Новые подходы позволят рассмотреть основные стереотипы поведения мужчин и женщин в традиционном кабардинском и балкарском обществе; проанализировать влияние процесса эмансипации на гендерные статусы накануне и во время Великой Отечественной войны; исследовать брак и семью в экстремальных условиях войны; определить параметры и критерии женской самоидентификации коренных северокавказских народов в условиях войны. Благодаря тому, что предложенная Дж. Скотт схема может применяться для анализа любого социального процесса, т.к. по сути «гендер есть первичное поле, внутри которого или посредством которого артикулируется власть», это позволило, применив гендерную методологию получить комплексный анализ, включающий не только анализ взаимоотношения полов, но более полный комплекс функционирования и саморепрезентирования власти (военной, оккупационной, мужской и т.п.) через институты, нормативные концепции, культурные символы, т.е. через гендер [10].

Вторая мировая война как событие первоочередной важности европейской истории XX в. остается актуальной историографической темой в течение последних десятилетий, как в России, так и за рубежом. Однако исторические исследования женской повседневности, женских репрезентаций в экстремальных условиях войны, тем более в специфической этнокультурной среде, сохранившей архаические традиции в отношении к женщине, не были осуществлены в российской науке. При этом исследование повседневности, проблем «женщины и война», «женщины и нация», общие гендерные исследования успешно развиваются во многих странах уже около пятидесяти лет, открывая новые научные горизонты в целом ряде дисциплин – этнографии, истории, антропологии, культурологии, и даже позволяют синтезировать новые смежные направления в изучении человеческого общества. В научном мире высокий авторитет нискали работы известных западных ученых – основоположников методологических концепций теории гендера и создателей нового направления в академической науке – гендерных исследований. Это Р. Брайдотти, внесшая вклад в институционализацию женских исследований [11], И. Гофман – автор понятия «гендерный дисплей» и исследователь проблем социального конструирования гендера [12], Д. Батлер [13], развившая теорию М. Фуко [14] о взаимосвязи власти и частных чувственных переживаний индивидуума, Дж. Скотт [15], предложившая рассматривать гендер как

необходимую категорию исторического анализа, Р. Коннел [16], использовавший опыт феминистской критики применительно к мужским исследованиям, и т.д.

Пример работы с материалами печати представляет диссертация Г. Смита «Влияние Второй мировой войны на женщин, семейную жизнь и нравы населения Москвы. 1941–1945 годы», защищенная в Стэнфордском университете в 1990 г. (Smith G.M. *The Impact of World War II on Women, Family life and Mores in Moscow, 1941–1945: Ph. D. diss. Stanford University, 1990*). Изучив тексты московских газет, и главным образом «Вечерней Москвы», он убедительно доказал, что при необходимости (степень которой определялась партийными идеологами) нацеленность женщин на семейные ценности (как то было характерно для предвоенного времени) затухала, а ценности патриотические, социальные, внеприватные – выдвигались на первый план (и, следовательно, феминный образ советской матери легко заменялся другим конструктом – образом самостоятельной, готовой и могущей заменить мужа, ушедшего на фронт, решительной солдатки, героини тыла). Выводы Г. Смита прекрасно корреспондируют с аналогичными результатами работы немецкого историка (уже упомянутого нами выше) Р. Майера. В одной из своих статей он показал тождественность подобного перехода (от идеала «домашней хозяйки и прекрасной матери» к идеалу «женщины, готовой заменить мужчину на фронте и на производстве») в сталинскую эпоху и у национал-социалистов в Германии. «Реакционный поворот» от большевистских идей эмансипации к идеалу «хорошей жены и матери» он датировал 1932–1936 гг., а новую смену парадигмы – началом войны СССР с Германией (Maier R. *Von Pilotinnen, Melkerinnen und Heldenmüttern: Frau und Familie unter Stalin – Vergleichsebenen zum Nationalsozialismus // Vetter M. (Hrsg.): Territorische Diktaturen im 20. Jahrhundert. Strukturelemente der nationalsozialistischen und stalinistischen Herrschaft. Frankfurt am Main, 1996. S. 64–84.*) [17].

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. вышло не мало агитационно-публицистических очерков (в т.ч. в виде брошюр), в которых настойчиво педалировалась тема традиционности в России женского героизма, самопожертвования, самоотдачи. Этот мотив прозвучал и в первой диссертации о русских женщинах-врачах, защищенной в трудных условиях войны [18].

Наибольшее развитие тема участия женщин в Великой Отечественной войне получила в Беларуси, в научном проекте Европейского Гуманитарного университета под руководством Елены Гаповой «Женщина. Память. Война».

Некоторые аспекты исследуемой проблемы рассматриваются в сборнике научных статей «Гендерные истории Восточной Европы» [19]: методология гендерной истории; гендер и война; гендерные особенности памяти и нарратива и др.

Роль женщин в Великой Отечественной войне освещена в монографиях В.С. Мурманцевой «Женщины в солдатских шинелях» и «Советские женщины в Великой Отечественной войне»; Ю.Н. Ивановой «Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах»; Г.В. Воробьевой, В.И. Шамко «Героизм женщин Советской Украины в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»; И.Н. Ворониной, Л.Т. Макарова «Ратный и трудовой подвиг советских женщин»; Е. Голубова «Героини войны»; Л.П. Овчинниковой «Женщины в солдатских шинелях» и др.

В современной российской историографии нет никаких исследований женского участия в Великой Отечественной войне в ракурсе истории повседневности, позволяющей взглянуть на события войны глазами женщин, через их личные переживания, через анализ гендерной структуры общества, сбоев гендерных статусов. Проведение такого исследования должно быть актуально для Северного Кавказа, население которого пережило все стадии ведения войны: прохождение линии фронта по территории Кавказа, оккупация Северо-Западного и частично Центрального районов Кавказа, их освобождение от врага, идеологические и политические последствия обвинений в адрес целых народов в пособничестве оккупантам. Наше исследование стремится дать возможность сказать свое слово тем, кто хранил молчание в течение столь долгого времени, тем, кто не был героем войны, но был «обыкновенным» человеком, тем, кто сражался и стремился выжить в военные годы.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Кавказская женщина: трансформации этнической ментальности и гендерных статусов в годы Великой Отечественной войны» проект № 12-11-07004а/р.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002. С. 256.
2. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974; 2-е изд. М., 1979; Ее же. Женщины в солдатских шинелях. М., 1971; Ее же. Женщины-воина Малой земли // Вопросы истории. 1981. № 2. С. 177-179 и др.
3. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных...; Ее же. Женщины России в войнах Отечества. М., 1993; Ее же. И на Руси были амазонки // Армия. 1992. № 5. С. 43-47 и др.
4. Советская женщина – защитница Родины. Иваново, 1942; Чечнева М.П. Боевые подруги мои. М., 1975; Женщины в СССР: сб. ст. М., 1967; Женщины города Ленина: Очерки о женщинах Ленинграда в дни блокады. Л., 1944 и др.
5. Папич Ж. Национализм, война, гендер // Гендерные исследования. № 2. М., 1999. С. 13.
6. Ионин Л.Г. Понимающая социология: Историко-критический анализ. М., 1979. С. 116.
7. Кон И.С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч. 1. Харьков; СПб., 2001. С. 562-605.
8. Пушкарева Н. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007; Ее же. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3-19.
9. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
10. Скотт Д. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. 2 / под ред. С. Жеребкина. СПб., 2001; Ее же. Некоторые размышления по поводу гендера и политики // Там же. С. 946-962.
11. Брайдотти Р. Женские исследования и политики различия // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. С. 13-22; Ее же. Путем номадизма // Там же. С. 136-163.
12. Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. С. 306-335.
13. Батлер Дж. Психика власти. Харьков; СПб., 2002.
14. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти и сексуальности. М., 1996.
15. Скотт Д. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. С. 405-436.
16. Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. С. 851-879.
17. См.: Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000: Материалы к библиографии. М., 2002. С.120.
18. Розова К.Л. История первых русских женщин-врачей: дис. ... канд. ист. наук. М., 1945.
19. Гендерные истории Восточной Европы: сб. ст. / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Лето. Минск, 2002.

Поступила в редакцию 24.05.2012 г.
Принята к печати 28.09.2012 г.